Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

„Пров

Iшк
РСДРП
Р

РУССКІЙ
ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ
И РАБОЧІЕ.

Изданіе Союза русскихъ соціальдемократовъ.

Цѣна 25 сант.

Типографія Союза: Genève, route de la Cluse, 7.

Женева 1901.

2-й экз

ПР
„Пров 38“
„Пров 49“

I шк.
РСДРП
Р

225933

РУССКІЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ СТРОЙ И РАБОЧІЕ.

Кромѣ русскаго государства въ Европѣ есть государства: нѣмецкое (или иначе, германское), англійское, французское, итальянское, швейцарское и др. Въ однихъ государствахъ, напр. нѣмецкомъ, англійскомъ и др., есть царь такъ же, какъ и у насъ; въ другихъ государствахъ, напр. французскомъ и швейцарскомъ, нѣтъ вовсе царя, а вмѣсто него тамъ есть президентъ, который избирается на нѣсколько лѣтъ изъ среды самого же населенія, какъ напр. у насъ выбирается городской голова, волостной старшина, сельскіе старосты и т. п.

Во всѣхъ этихъ государствахъ какъ царь, такъ и президентъ *) не могутъ издавать законовъ безъ согласія выборныхъ отъ населенія или безъ парламента (собранія выборныхъ); причемъ каждый членъ парламента имѣетъ право предложить тотъ или другой законъ. Про такія государства говорятъ, что тамъ есть конституція. **) Власть царя ограничена тамъ властью парламента; президентъ же больше существуетъ такъ, для формы что-ли— главная власть принадлежитъ министрамъ, которые отвѣчаютъ передъ парламентомъ и могутъ быть имъ низвергнуты. Оттого-то политическій строй такихъ государствъ называется ограниченнымъ или иначе конституціоннымъ.

Въ конституціонныхъ государствахъ каждый членъ парламента, или, какъ иначе говорятъ, депутатъ, имѣтъ право потребовать отъ правительства отчета во всѣхъ его дѣйствіяхъ: какъ поступило правительство тамъ-то и тамъ-то, на какомъ основаніи? и т. п. Тамъ, наконецъ, существуетъ свобода стачекъ, сходокъ и собраній, свобода слова и печати. Про страны, гдѣ есть такая свобода, говорятъ, что тамъ существуетъ политическая свобода. Благодаря существованію полит. свободы заграницею, тамошніе рабочіе могутъ посылать своихъ выборныхъ въ парламентъ, имѣютъ право устраивать стачки и кассы, образовывать союзы и пар-

*) Президенты имѣютъ гораздо меньшія права, чѣмъ цари.

**) Слово конституція значитъ учрежденіе, установленіе: установленіе того, чтобы правительство не могло дѣйствовать произвольно, безъ согласія представителей отъ населенія.

тіи, собирать сходки и собранія, говорить на нихъ какія угодно рѣчи, печатать свои газеты и книжки и т. п.

Вотъ, говоря въ немногихъ словахъ, каковы порядки, каковъ политическій строй въ другихъ государствахъ Европы.

Совсѣмъ не такой полит. строй существуетъ у насъ въ Россіи. У насъ нѣтъ парламента, который издавалъ бы законы: у насъ право издавать законы принадлежитъ одному царю. Въ первой статьѣ русскихъ такъ называемыхъ „основныхъ законовъ“ такъ прямо и сказано: „Россійская имперія управляется на твердомъ основаніи законовъ, *отъ самодержавной власти (т. е. отъ царя) исходящихъ*“. Главнымъ образомъ и вся власть въ нашемъ государствѣ принадлежитъ также царю: царь распоряжается государствомъ такъ, какъ онъ считаетъ нужнымъ и полезнымъ. Оттого-то русскій полит. строй и называется самодержавнымъ, неограниченнымъ.

Но спрашивается: *какіе же именно* законы издаетъ русскій царь, т. е. *кому именно, какому классу населенія* идутъ на пользу эти законы и *кого именно*—бѣдныхъ или богатыхъ—защищаетъ царь своею властью?

Давайте, разберемъ эти вопросы.

Посмотрите, что дѣлаетъ русское правительство для счастья и довольства буржуазіи—фабрикантовъ, купцовъ, дворянства, помѣщиковъ и вообще для всѣхъ богатыхъ людей! Оно самымъ заботливымъ образомъ печется о нуждахъ буржуазіи, все равно какъ хорошая мать печется о своихъ дѣткахъ: „Не нужно-ли вамъ чего-нибудь, милыя дѣточки? Сыты-ли вы, довольны-ли, не обижаетъ-ли ватъ кто нибудь?!“ и т. д. Вотъ такъ именно ухаживаетъ царь и его правительство за буржуазіей.

Вотъ напр. нужно издать какой нибудь законъ, касающійся положенія фабричной промышленности, а также и рабочихъ. Прежде чѣмъ издать такой законъ, царское правительство спрашиваетъ мнѣнія фабрикантовъ, какъ-де они думаютъ на этотъ счетъ? Нужно-ли издать такой законъ или нѣтъ и какого именно закона они желаютъ? Когда составлялся напр. законъ 2 іюня 1897 г. о сокращеніи рабочаго времени на фабрикахъ и заводахъ (до 11½ часовъ въ сутки), то въ комиссію, гдѣ обсуждался этотъ законъ, правительство пригласило до 200 человѣкъ фабрикантовъ, а о рабочихъ, т. е. о тѣхъ, кого законъ этотъ именно и касается, какъ разъ забыло: зачѣмъ, дескать, ихъ звать—они только обидятъ „бѣдныхъ“ фабрикантовъ!! Оттого и законъ 2 іюня вышелъ такимъ плохимъ закономъ для рабочихъ.

И всегда поступаетъ такимъ образомъ царское правительство: прежде чѣмъ издать какой-нибудь законъ, оно совѣщается объ этомъ или съ фабрикантами и купцами, или съ дворянами и помѣщиками, мнѣній же крестьянъ и рабочихъ оно и знать не хочетъ.

Взять хотя бы бывшій въ мартѣ 1900 г. въ Петербургѣ ремесленный съѣздъ: *хозяевъ-ремесленниковъ* прагласили, а про *рабочихъ-ремесленниковъ* снова забыли. А вѣдь скверно и трудно живется именно ремесленникамъ-рабочимъ, а не ремесленникамъ-хозяевамъ. Но въ томъ-то и дѣло, что русскому царю и его правительству дороги именно хозяева-капиталисты, а не рабочіе. А эти самые хозяева-ремесленники такъ разлакомились на чужой трудъ, то есть, на трудъ своихъ рабочихъ, что рѣшили на съѣздѣ увеличить рабочій день до $11^1/_2$ часовъ въ сутки *) и даже признали нужнымъ „отечекими мѣрами“ наказывать своихъ учениковъ. Рабочіе-ремесленники хорошо знаютъ, каковы бываютъ эти „отеческія“ наказанія. Если бы рабочіе-ремесленники участвовали въ этомъ съѣздѣ, такихъ постановленій не состоялось бы! Да не только не состоялось бы такихъ постановленій, но рабочіе-ремесленники потребовали бы себѣ извѣстныхъ правъ! Потому-то они и не были приглашены: правительство вѣдь старается не о томъ, чтобы рабочимъ было хорошо, а о томъ, чтобы сильнѣе ихъ прижать. Оно другъ хозяевъ и врагъ рабочихъ.

Или вотъ еще недавній примѣръ. Въ мартѣ 1900 г. министерствомъ финансовъ изданъ „наказъ чинамъ фабричной инспекціи“, т. е. распоряженіе правительства о томъ, какъ фабричные инспектора должны дѣйствовать на фабрикахъ, какъ поступать съ рабочими и какія могутъ дѣлать приказанія. И при изданіи этого „наказа“ правительство осталось другомъ фабрикантовъ... Такъ, въ фабричныхъ присутствіяхъ, гдѣ разбираются также и вопросы, непосредственно касающіеся именно рабочихъ, участвуютъ на правахъ членовъ и представители отъ фабрикантовъ и заводчиковъ; рабочихъ же снова устранили...

Да, хотя у насъ и нѣтъ парламента, но фабрикантамъ и вообще богачамъ и знатнымъ людямъ и безъ парламента хорошо живется. Да богатымъ и не нуженъ въ Россіи парламентъ: и безъ парламента фабриканты и дворянство обсуждаютъ тѣ или другіе законы, и безъ парламента они всегда могутъ высказывать свои желанія: какой законъ нуженъ буржуазіи, тотъ и будетъ изданъ царемъ! Слѣдуетъ при этомъ добавить, что русское правительство такъ пишетъ законы, чтобы богачамъ можно было ихъ нарушать, т. е. не исполнять, а чтобы рабочимъ не только не было никакого облегченія отъ законовъ, но даже, чтобы этими самими законами можно было полиціи и жандармамъ поприжать рабочій классъ.

Взять хотя бы знакомый рабочимъ законъ 2 іюня 1897 года. Этотъ законъ былъ изданъ царемъ якобы для сокращенія рабо-

*) Теперь по закону чистый рабочій день ремесленника (исключая двухъ часовъ на завтракъ и обѣдъ) не можетъ продолжаться долѣе 10 ч. въ сутки.

го времени... Это чистый обманъ: на самомъ дѣлѣ законъ 2-го іюня такъ „мудро“ написанъ, что, если даже онъ будетъ выполняться фабрикантами (какъ извѣстно, въ Россіи законы богачами, полиціей и другими чиновниками не исполняются), то и въ такомъ даже случаѣ рабочимъ во многихъ случаяхъ будетъ отъ него не лучше, а даже хуже. Напр. закономъ уменьшено число праздниковъ, затѣмъ фабриканты могутъ всегда вводить сверхурочныя работы — стоитъ только имъ этого пожелать и т. п. А если принять во вниманіе даже только эти двѣ стороны закона, то уменьшенія рабочаго времени, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ раньше было, никакого не произойдетъ! Можетъ даже случиться, что на иныхъ фабрикахъ придется больше работать. Но это еще не все.

Къ закону министръ написалъ правила. Такъ вотъ въ этихъ правилахъ подробно говорится о томъ, какъ и когда фабриканты могутъ „отступать“ отъ закона, т. е., выражаясь простымъ языкомъ, нарушать законъ, не исполнять его. О томъ же, чтобы фабричная инспекція или рабочіе могли требовать отъ фабриканта „отступленій“ отъ закона *въ пользу рабочихъ*, объ этомъ ни въ правилахъ, ни въ самомъ законѣ *ни одного словечка*!.. Вообще законъ 2 іюня предоставилъ министрамъ и др. царскимъ чиновникамъ полный произволъ—по своему усмотрѣнію уменьшать требованія закона отъ фабрикантовъ *)...

Наконецъ, что самое главное, за нарушеніе закона фабрикантами не установлено никакого наказанія: нарушайте, молъ, господа капиталисты, законы сколько хотите, за это васъ не накажутъ... Самое большее, чѣмъ отвѣтитъ фабрикантъ, если онъ нарушитъ законъ, это штрафъ въ какихъ-нибудь 50 или болѣе рублей. А что значатъ для фабриканта такія деньги?! Ему выгоднѣе даже нарушать законъ, чѣмъ исполнять: рабочаго вѣдь онъ ограбитъ не на 50 руб., а на много и много больше. Да еще при этомъ бубушка на двое ворожила, кто на судѣ будетъ правъ. Вѣдь и суды у насъ царскіе, вѣдь и судьи русскіе держатъ руку богатыхъ, а не рабочихъ!

А между тѣмъ, когда рабочій нарушитъ какой-нибудь законъ, его сейчасъ же тащатъ къ отвѣту. Напр. за уходъ рабочаго съ фабрики до назначеннаго срока рабочаго ждетъ свирѣпое наказаніе—арестъ. За стачку же законъ грозитъ рабочему даже тюрьмой. А въ то же самое время фабрикантъ, не исполнившій установленныхъ правилъ и этимъ вызвавшій стачку, отдѣлывается только штрафами, а чаще всего за это просто ему ничего не бываетъ.

---

*) Мы очень и очень совѣтуемъ всѣмъ рабочимъ хорошенько познакомиться съ книжечкой „Новый фабричный законъ“ (т. е. законъ 2 іюня 1897 г.) Тамъ этотъ законъ отлично разсмотрѣнъ и выяснено его значеніе.

Вообще, что можно и дозволено буржуазіи, того нельзя и не дозволяется дѣлать рабочимъ.

Такъ фабриканты, помѣщики, дворянство, купцы и др. группы буржуазіи имѣютъ право устраивать союзы и собранія, гдѣ они могутъ свободно говорить о всѣхъ своихъ нуждахъ, для того чтобы предъявить затѣмъ правительству тѣ или другія требованія. У буржуазіи есть свои общества, свои союзы и компаніи, гдѣ вырабатываются разныя мѣры къ тому, какъ бы еще лучше устроить свою жизнь. Затѣмъ у буржуазіи есть своя печать—газеты, журналы, книги, гдѣ она свободно обсуждаетъ свои нужды. Наконецъ укажемъ еще и на то, что фабриканты могутъ устраивать даже стачки (синдикаты) для повышенія цѣпъ на свои товары... Всѣхъ этихъ правъ лишены рабочіе: какъ только гдѣ вздумаютъ они устроить собраніе или стачку, учредить-ли союзъ или другое какое-нибудь общество, издавать свою газету и т. п., —какъ только что-нибудь подобное задумаютъ рабочіе, такъ сейчасъ же на нихъ, какъ коршуны, налетаютъ жандармы и полиція, хватаютъ ни въ чемъ неповинныхъ рабочихъ и бросаютъ ихъ въ тюрьмы или ссылаютъ въ Сибирь. А въ это время враги рабочихъ—фабриканты засѣдаютъ въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ и совѣтахъ и вмѣстѣ съ чиновниками „Его Величества“ выдумываютъ законы о томъ, какъ бы это получше прижать рабочихъ, какъ бы это такъ придавить ихъ, чтобы они и пикнуть не смѣли!..

Но это еще не все, что дѣлаетъ царь со своимъ правительствомъ для счастья буржуазіи: онъ такъ любитъ богатыхъ, что осыпаетъ еще ихъ золотымъ дождемъ: открываетъ для купцовъ и промышленниковъ банки, гдѣ за дешевые проценты даютъ имъ взаймы деньги, даритъ дворянамъ милліонныя подачки изъ народныхъ денегъ, накладываетъ на заграничные товары большія пошлины для того, чтобы русскіе фабриканты подороже продавали свои товары, т. е., чтобы они побольше клали въ карманы барышей... Наконецъ онъ много лѣтъ даже платилъ наградныя деньги *(премію)* за нѣкоторые товары (сахаръ напр.), которые вывозятся за границу. А послѣ отмѣны преміи была дозволена „нормировка“ сахарнаго производства, т. е. уговоръ заводчиковъ не пускать въ продажу внутри Россіи болѣе опредѣленнаго количества сахару. Благодаря этому русскій сахаръ въ Англіи такъ дешевъ, что тамъ имъ откармливаютъ свиней... А въ это время у насъ сахаръ такъ дорогъ, что большинство русскаго народа никогда не видитъ въ глаза и кусочка сахару. Но за то сахарные заводчики кладутъ въ свои карманы милліонные барыши.

Да мало-ли что дѣлаетъ русское правительство для богатыхъ? Всего и не перескажешь! Словомъ, и царь и всѣ его чиновники (министры, губернаторы, жандармы, полиція и т. п.) только о томъ и хлопочутъ, чтобы все устроить въ Россіи такъ, чтобы бога-

тымъ и знатнымъ людямъ жилось хорошо и привольно. О томъ же, каково при этомъ будетъ рабочему классу и др. бѣднымъ людямъ царь не только не думаетъ, но, напротивъ, даже притѣсняетъ рабочихъ. Буржуазія—это какъ бы родное дитя царя, а рабочій классъ вродѣ пасынка или пріемыша: какъ сильно достается отъ мачихи не роднымъ дѣтямъ и хорошо живется своимъ, такъ и у насъ въ Россіи хорошо и привольно живется богатымъ и плохо рабочему классу.

Будетъ-ли царемъ Александръ, Николай, Михаилъ или еще кто другой, — все равно: рабочему классу отъ перемѣны царя не станетъ лучше, такъ какъ все дѣло не въ личности царя, не въ томъ—добрый-ли онъ или злой, умный или глупый, а, какъ говорятъ, *въ системѣ*, или иначе, въ тѣхъ порядкахъ, какіе у насъ теперь существуютъ. А при этихъ порядкахъ только рабочимъ живется скверно: они бѣдно живутъ, много, до изнеможенія силъ работаютъ и мало за это получаютъ, наконецъ ихъ бьютъ нагайками, убиваютъ изъ ружей. Но хуже всего то, что рабочимъ воспрещается бороться противъ такихъ порядковъ, запрещается добиваться лучшей доли. Такіе то порядки, такой политическій строй очень выгоденъ и буржуазіи и царю съ его правительствомъ, потому что съ уничтоженіемъ этихъ порядковъ, т. е. съ установленіемъ въ Россіи политической свободы— буржуазіи и ея заступникамъ (царю и всѣмъ его чиновникамъ) уже не будетъ такого, какъ теперь, привольнаго житья, ибо тогда *всѣ* рабочіе будутъ смѣло, открыто и успѣшно защищать свои права. Оттого-то русскій царь такъ сильно притѣсняетъ рабочихъ и такъ заботливо печется о буржуазіи: охраняя буржуазію, царь *этимъ самымъ* охраняетъ самого себя и свою чиновничью армію. А такъ какъ никто не бываетъ самъ себѣ врагомъ, такъ и царь, какой-бы онъ не былъ — умный или глупый, добрый или злой — все равно ему нѣтъ рзсчета добровольно дать рабочимъ права, политическую свободу. А пока у насъ нѣтъ политической свободы, т. е. пока у насъ нѣтъ парламента, гдѣ представители рабочихъ засѣдали-бы рядомъ съ представителями другихъ классовъ населенія, до тѣхъ поръ отъ перемѣны царя — еслибы на мѣсто теперешняго глупаго царя, сѣлъ умный и добрый—рабочимъ не станетъ лучше.

Теперь мы можемъ отвѣтить на поставленные выше вопросы: какіе законы издаетъ у насъ царь, въ чью пользу они идутъ, и кого защищаетъ царь своею властью?

Всѣ законы издаются царемъ въ пользу богатыхъ (буржуазіи) и для притѣсненія рабочихъ и крестьянъ *). Причемъ всѣ такіе

*) Бѣдная часть крестьянства, т. е. огромное его большинство страдаетъ отъ царскаго правительства не меньше рабочихъ, но объ этомъ нужно написать особо.

законы издаются или по требованію буржуазіи, или съ ея согласія... Равнымъ образомъ и власть царя жестока и всесильна только по отношенію къ рабочему классу и бѣднымъ крестьянамъ, да еще къ тѣмъ немногимъ лицамъ изъ другихъ классовъ,—соціалистамъ, которые заступаются за рабочій классъ и борются за его счастье противъ правительства и капиталистовъ. Богатые же живутъ, какъ говорится, припѣваючи: для нихъ масляница. Только для рабочаго класса и его защитниковъ власть царя самодержавна и неограниченна. Съ ними онъ воленъ дѣлать все, что вздумаетъ, лишь бы только отъ этого было лучше жить буржуазіи. Тутъ царь—полный хозяинъ. Все равно, какъ въ той сказкѣ, гдѣ волкъ говоритъ попавшемуся въ его лапы зайцу: „хочу тебя, заяцъ, съѣмъ, хочу помилую!“ Или какъ въ одной книжкѣ отецъ толкуетъ свою власть надъ семьею: „чего моя нога захочетъ, то дѣлай, не разсуждай!..“

Итакъ, мы теперь знаемъ: хотя въ Россіи нѣтъ парламента, т. е. хотя власть царя по нашимъ законамъ самодержавна и никѣмъ и ничѣмъ не ограничена, т. е. царь можетъ издавать законы, ни у кого объ этомъ не спрашивая, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, однако нѣтъ: *такой порядокъ существуетъ только на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, въ жизни царь (и его правительство) ничего не дѣлаетъ безъ согласія буржуазіи*: всѣ законы, всѣ правительственныя распоряженія издаются царемъ для блага буржуазіи.—Царь слуга, сторожъ буржуазіи. Онъ всегда готовъ выполнять и, какъ мы видѣли, на самомъ дѣлѣ выполняетъ всѣ требованія и желанія богатыхъ классовъ населенія. *И только въ отношеніи рабочаго класса власть царя самодержавна и неограниченна, только съ рабочимъ классомъ и его защитниками царь расправляется, какъ хочетъ, только на рабочій классъ обрушивается весь страшный гнетъ и не знающій удержу произволъ царской самодержавной власти.* *) Запомнимъ же это разъ навсегда.

Русское государство — это тоже фабрика. Какъ у фабриканта есть директора, управляющіе, надсмотрищики, старшіе и младшіе мастера и т. д., такъ и у царя есть свои наемные слуги — министры, губернаторы, жандармы, полицмейстеры и др. чиновники разныхъ вѣдомствъ, которыхъ такъ много насадилъ царь на „святой“ Руси.

Первыми и самыми главными помощниками и совѣтниками царя являются у насъ министры. Министровъ въ Россіи много. Самыми важными министерствами являются министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство финансовъ **).

---

*) Повторяемъ, крестьянамъ также скверно живется, крестьянъ также давитъ царскій произволъ, но о нихъ мы здѣсь не говоримъ.

**) Министръ финансовъ завѣдываетъ денежною частью, промышлен-

А теперь посмотримъ немножко поближе, какъ устроена правительственная власть въ Россіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ имѣетъ громадную власть: онъ начальникъ надъ всею жандармскою и обыкновенною полиціею; вся полиція,—начиная отъ товарищей министра, губернаторовъ, жандармскихъ генераловъ и кончая урядниками, простыми полицейскими и какимъ-нибудь жандармскимъ унтеромъ,—подчинены министру внутреннихъ дѣлъ, находятся въ полномъ его распоряженіи.

Въ каждомъ министерствѣ—свой штатъ, своя армія служащихъ. Каждый чиновникъ обязанъ безпрекословно (дѣлай, молъ, не разсуждай!) повиноваться своему ближайшему начальнику. Ближайшій начальникъ наприм. городского полицейскаго есть помощникъ пристава, дальше идетъ приставъ, еще дальше помощникъ полицеймейстера или полицеймейстеръ (а въ уѣздѣ исправникъ); надъ полицеймейстеромъ и исправникомъ стоитъ губернаторъ, надъ губернаторомъ министръ, а вверху надъ всей этой оравой сидитъ одинъ командиръ—царь, которому подчинена вся полиція до единаго человѣка.

У жандармовъ также своя армія. Сначала идетъ простой жандармъ, затѣмъ унтеръ, фельдфебель, офицеръ, полковникъ, генералъ, министръ и снова царь.

Въ министерствѣ *финансовъ низшіе чиновники подчинены* всѣмъ высшимъ: такъ фабричные инспектора, это—правая рука министра финансовъ, это — фабричные урядники, поставленные для того, чтобы водворять на фабрикахъ „порядокъ“, т. е., яснѣе говоря, защищать фабрикантовъ и притѣснять рабочихъ. Любопытно, что московскій оберъ-полицеймейстеръ Треповъ (точнѣе, начальникъ московской „охраны“, т. е. шпіоновъ — Зубатовъ) въ своемъ извѣстномъ тайномъ докладѣ московскому губернатору (дядькѣ царя) о рабочемъ движеніи опредѣляетъ роль фабричныхъ инспекторовъ, какъ фабричныхъ полицейскихъ, дѣйствующихъ отъ имени министра финансовъ. Также смотритъ на фабр. инспекторовъ и самъ министръ финансовъ. Такъ въ одномъ тайномъ циркулярѣ министръ хвалитъ инспекторовъ за то, что они принимаютъ всѣ „разумныя мѣры къ скорѣйшему водворенію порядка на фабрикѣ“. Затѣмъ можно указать на недавно изданный „наказъ фабричной инспекціи“, гдѣ фабричнымъ инспекторамъ предписывается подчиняться „требованіямъ и распоряженіямъ губернскаго начальства“, т. е. полиціи и жандармамъ.

Вообще въ какое бы министерство мы ни заглянули, всюду мы найдемъ старшихъ и младшихъ чиновниковъ, всюду эти послѣдніе должны безпрекословно повиноваться первымъ, всюду самый старшій начальникъ—министръ, а надъ всею огромною арміей

ностью, торговлею и т. п.

чиновниковъ и военныхъ (войска) сидитъ царь и командуетъ всѣми.

А разъ каждый чиновникъ (напр. полицейскій) въ своей службѣ обязанъ подчиняться приказаніямъ и распоряженіямъ своего начальства, то слѣдовательно, за дѣйствія этого чиновника должно отвѣчать это же самое начальство*), т. е. въ концѣ концовъ царь. И, дѣйствительно, у насъ такъ и есть: царь установилъ такой порядокъ, что какой-нибудь даже простой полицейскій, не говоря уже о большихъ чиновникахъ, не можетъ быть преданъ суду безъ согласія на то его начальства. Вотъ какъ заботливо оберегаетъ царь своихъ чиновниковъ!.. Недаромъ же жандармы — эти самые любимые царемъ чиновники, говорятъ, что они „вѣрные“ слуги царя.

И, дѣйствительно, эти „слуги“ послушно выполняютъ волю и приказанія своего „господина“: какъ на фабрикѣ всѣ служащіе фабриканта должны дѣйствовать такъ, какъ того хочетъ ихъ хозяинъ — фабрикантъ и кромѣ того должны заботиться только о барышахъ и выгодахъ хозяина—иначе служащій прогоняется,— такъ и въ Россіи всѣ чиновники, начиная отъ министра и кончая какимъ-ниб. полицейскимъ, должны свято и точно выполнять волю и законы царя.

А мы уже знаемъ, что у насъ *все* для богатыхъ и *ничего* для рабочихъ, что всѣ законы царя направлены исключительно для счастья этихъ самыхъ богатыхъ, этой самой буржуазіи и для притѣсненія рабочихъ и крестьянъ. Другихъ желаній, другихъ думъ какъ у царя, такъ и у его правительства нѣтъ и не будетъ. Царь —вѣрный сторожевой песъ буржуазіи: какъ собака днемъ и ночью вѣрно сторожитъ добро своего хозяина, такъ и царь вѣрою и правдою сторожитъ буржуазію, помогая ей грабить и притѣснять рабочій классъ. Всѣ чиновники—министры, жандармы, полиція и т. д. должны въ этомъ содѣйствовать царю, должны помогать давить рабочихъ, словомъ, должны, какъ рабы, какъ крѣпостные, повиноваться царю—своему командиру: какъ на войнѣ вся армія —и солдаты и генералы—обязаны слѣпо слушаться и выполнять приказанія и распоряженія главнаго командующаго, а всѣ низшіе чины обязаны повиноваться высшимъ, такъ и у насъ въ Россіи —гдѣ вѣдь тоже идетъ вѣчная война между рабочими и капиталистами—всѣ чиновники до единаго человѣка должны выполнять волю и распоряженія царя, а всѣ низшіе чиновники—слушаться высшихъ. А разъ всѣ чиновники подчиняются царю, то слѣдовательно, *на царѣ и только на немъ* должна лежать, въ

*) Совсѣмъ не такъ дѣло поставлено въ Англіи: тамъ каждый чиновникъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія, хотя бы эти дѣйствія онъ совершилъ по приказанію своего начальства.

концѣ концовъ, *вся* отвѣтственность за *всѣ* дѣйствія русскихъ чиновниковъ, жандармовъ, полиціи и др.

Возьмемъ такой случай. Рабочіе какой-нибудь фабрики, завода или мастерской рѣшили для борьбы со своимъ хозяиномъ образовать союзъ, основать кассу, достать книжекъ, гдѣ говорится о томъ, какъ лучше бороться съ капиталистами и т. п.; однимъ словомъ, принялись улучшать свое положеніе. И вотъ обо всемъ этомъ узнаютъ жандармы, а узнавши, арестуютъ рабочихъ и сажаютъ ихъ въ тюрьму. Начинается „политическое“ дѣло.

Можетъ быть, кто-нибудь задастъ себѣ вопросъ: виноватъ-ли царь въ арестѣ этихъ рабочихъ? Вѣдь арестъ былъ сдѣланъ безъ особаго приказанія царя. Царь объ этомъ не знаетъ...

На это можно отвѣтить только слѣдующее: да, царь не дѣлалъ нарочнаго распоряженія объ арестованіи *именно этихъ* рабочихъ, *такъ какъ* **въ этомъ** *распоряженіи не было никакой надобности*: царь, любя фабрикантовъ и желая имъ добра, *разъ навсегда* издалъ законъ, который воспрещаетъ рабочимъ (но не имущимъ классамъ населенія) устраивать собранія, союзы, стачки, кассы; запрещаетъ читать тѣ книжки, гдѣ правду пишутъ о рабочихъ и правительствѣ и т. п., и *разъ навсегда* повелѣлъ жандармамъ арестовывать лицъ (все равно, будутъ-ли они рабочіе или интеллигенты), которыя не желаютъ подчиняться этому закону, т. е. нарушаютъ его.

Слѣдовательно, *каждый разъ, когда жандармы дѣлаютъ обыски, арестовываютъ и сажаютъ рабочихъ и др. лицъ въ тюрьму или отправляютъ въ ссылку или каторгу, каждый разъ все это дѣлается именемъ царя и по его законамъ*), въ угоду и въ защиту буржуазіи и для охраненія царской власти.*

Больше того, царь въ концѣ концовъ отвѣтственъ и за тѣ, даже по нашимъ законамъ не всегда дозволенныя, дѣйствія, которыя позволяетъ себѣ царская полиція надъ рабочими и политическими заключенными,—начиная отъ разстрѣла и избіенія нагайками и кончая такими насиліями, какъ стаскиваніе рабочихъ съ постели съ требованіемъ идти на фабрику на работу (былъ такой случай въ Петербургѣ). И не перечтешь всѣхъ безобразій, на которыя способна русская полиція!.. Жандармы не оставляютъ въ покоѣ своихъ жертвъ даже въ тюрьмахъ. Такъ, чтобы заставить арестованныхъ (все равно изъ рабочей или интеллигентной среды) разсказать все какъ было, жандармы прибѣгаютъ къ самымъ подлымъ и безсовѣстнымъ средствамъ, а именно, лишаютъ прогулокъ, свиданія съ родными, чтенія книгъ —этого существеннаго утѣшенія для сидящаго въ тюрьмѣ, поддѣлываютъ показанія товарищей по дѣлу, грозятъ разными на-

*) При арестахъ напр. жандармы такъ и обращаются къ арестованному: „именемъ закона я васъ арестую“.

казаніями, сажаютъ въ темные карцеры, оставляютъ на одномъ хлѣбѣ и водѣ, будятъ по нѣскольку разъ ночью и сейчасъ же ведутъ на допросъ, по цѣлымъ годамъ держатъ въ тюрьмѣ съ цѣлью добиться добровольнаго признанія (посидите... разскажете... —говорятъ въ такихъ случаяхъ жандармы и стражи „законности"—прокуроры) и т. д.

Вотъ въ тюрьмѣ сидѣлъ одинъ изъ дѣятельныхъ когда-то соціалистовъ Гофманъ (онъ уже умеръ) *). У него была мать, которую онъ безумно любилъ. Но вотъ мать его, съ горя по сыну, заболѣваетъ и находится при смерти. Жандармы, узнавъ какимъ-то образомъ о любви сына къ матери, предлагаютъ Гофману проститься съ матерью, но... съ условіемъ, чтобы онъ во всемъ признался... Какъ ему ни хотѣлось проститься съ горячо любимой матерью, но онъ долженъ былъ отклонить „любезное" предложеніе жандармовъ: слишкомъ оно уже было подло!..

Еще примѣръ. У одного заключеннаго была невѣста. Во время его заключенія въ тюрьмѣ она умираетъ. Ему ничего объ этомъ неизвѣстно, но жандармы умѣютъ быть „друзьями": они выводятъ заключеннаго изъ тюрьмы прямо на похоронную процессію его невѣсты... И здѣсь-то онъ узнаетъ, кого хоронятъ! Трудно себѣ представить его горе... Да, жандармы большіе мастера терзать свою жертву!

Вспомнимъ, наконецъ, извѣстный разгромъ рабочихъ казармъ Максвеля въ Петербургѣ, учиненный полиціею въ декабрѣ 1898 г. Припомнимъ вкратцѣ это гнусное дѣяніе гнуснаго царствованія Николая II-го и попытаемся доказать, что и за *такія* исторіи отвѣтственность должна пасть въ послѣднемъ счетѣ именно на царя.

Въ декабрѣ 1898 г. на фабрикѣ Максвеля и Паля произошла стачка 4.000 ткачей. Хотя рабочіе вели себя замѣчательно спокойно, тѣмъ не менѣе полиція „приняла мѣры". Прежде всего она распорядилась закрыть въ районѣ фабрики всѣ кухмистерскія и съѣстныя лавки, съ той цѣлью, чтобы голодомъ заставить рабочихъ прекратить стачку. Полиція русскаго царя безконечно внимательна къ капиталистамъ. Но на этомъ она не остановилась. Вскорѣ пошли аресты, причемъ рабочихъ били нагайками. За три дня было арестовано до 200 рабочихъ и 16 интеллигентовъ. Но этимъ жандармы и полиція его величества не изволили удовлетвориться. Въ ночь съ 15 на 16 дек. полиція явилась въ казармы Максвеля, гдѣ проживало до 800 рабоч. И тутъ-то была учинена ужаснѣйшая бойня. Не будемъ пересказывать здѣсь тѣхъ ужасныхъ сценъ, какія тамъ имѣли мѣсто,—вродѣ наприм. такой, когда полиція напала на беременную женщину-работницу и такъ

*) Между прочимъ Гофманъ былъ писатель: онъ писалъ для „Нар. Воли" и „Вѣстника Народной Воли".

жестоко ее избила, что на утро она выкинула недоношеннаго ребенка. Рабочихъ били нагайками, палками... били по чемъ попало: по головѣ, лицу... Били, не разбирая, кто попадался подъ руку: безпомощныхъ стариковъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, женщинъ... У одного рабочаго оказались сломанными ребра, у другого вытекъ глазъ, третій попалъ въ сумасшедшій домъ...

И что же оказалось?! Рабочихъ избили, изувѣчили, надъ ними учинили издѣвательство и *ихъ же* отдали подъ судъ!! И судъ-то былъ самый варварскій: 6 человѣкъ приговорили на одинъ годъ тюрьмы, одного — на 8 мѣс., 4 женщинъ — на три недѣли подъ арестъ, и *только четверо* были оправданы!..

Но на *этомъ безобразіи дѣло не кончилось*. По жалобѣ защитниковъ и прокурора (прокуроръ подалъ кассаціонную жалобу на зло рабочимъ и ихъ адвокатамъ) сенатъ приказалъ дѣло снова пересмотрѣть. Но такъ какъ и въ сенатѣ держатъ руку фабрикантовъ, то и господа сенаторы учинили надъ рабочими страшное безобразіе. По сенатскому рѣшенію *снова* преданы суду и тѣ четверо рабочихъ, которые были *уже раньше* оправданы... Возмутительнѣе же всего то, что господа сенаторы *написали рѣшеніе заранѣе*!.. Вотъ какіе у насъ суды! А вѣдь сенатъ считается въ Россіи стражемъ и хранителемъ законовъ. Хороши хранители, нечего сказать!

Но и это еще не все. Пока шелъ судъ да разсмотрѣніе жалобъ, царская полиція распорядилась всѣхъ рабочихъ-свидѣтелей защиты, всѣхъ рабочихъ, привлекавшихся къ слѣдствію, но не попавшихъ подъ судъ, всѣхъ подсудимыхъ, даже рабочихъ оправданныхъ—разослать на родину по деревнямъ, а нѣкоторыхъ такъ и въ Вост. Сибирь на 3-4 года.

Итакъ, рабочіе на фабрикѣ Максвеля, т. е. сторона пострадавшая, понесли тяжелое наказаніе—и отъ полиціи, и отъ суда!.. А настоящіе виновники разбойствъ въ казармахъ Максвеля, т. е. жандармы и полиція, остались правы, а городовые даже получили отъ фабриканта по 6 р. на человѣка.

Въ февралѣ 1900 г. начался вторичный разборъ дѣла Максвельцевъ, но онъ былъ прерванъ по приказанію министра юстиціи. Дѣло въ томъ, что сенатъ отмѣнилъ первый приговоръ потому, что въ залу суда не были допущены родственники и знакомые подсудимыхъ. На вторичный судъ пришлось допустить публику—и вотъ министръ остановилъ разборъ дѣла, какъ только свидѣтели защиты стали разсказывать о безобразіяхъ полиціи. Наконецъ, судъ состоялся въ октябрѣ 1900 г. Что же выиграло правительство? Да то, что тѣмъ временемъ *царь своей самодержавной властью нарушилъ рѣшеніе сената* и „высочайше“ запретилъ присутствовать на судѣ кому бы то ни было, кромѣ жены, родителей и дѣтей подсудимыхъ (по одному лицу отъ каж-

даго подсудимаго)... Такъ что на дѣлѣ никакой публики на судѣ не было!

Второй приговоръ таковъ: 5 чел. присуждены къ тюремному заключенію на 6 мѣсяц., 4 женщины къ аресту на 3 недѣли, 5 оправдано *).

Не трудно показать, что и за дѣйствія полиціи въ казармахъ Максвеля и за все послѣдующее, что претерпѣли рабочіе, *за все это вина въ концѣ концовъ падаетъ на царя*, какъ онъ прямо виновенъ въ нарушеніи сенатскаго рѣшенія.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь полиція пришла арестовывать рабочихъ *именемъ царскаго закона*, слѣдовательно, полиція дѣйствовала *отъ имени самого царя*, по его повелѣнію. Полиція вѣдь для того и существуетъ, чтобы служить царю, чтобы,—какъ она сама выражается, — защищать его отъ „внутреннихъ враговъ“, отъ „крамолы“, т. е. отъ соціалистовъ и рабочихъ. Нѣтъ на свѣтѣ такихъ злодѣяній, такихъ преступленій, такихъ варварствъ, на которыя не рѣшилась бы полиція (обыкновенная и жандармская) русскаго царя для того только, чтобы „вѣрою и правдою“ послужить своему „обожаемому монарху“ — царю. Для того же, чтобы служить „вѣрою и правдою“, нужно исправно выполнять свои обязанности, т. е. повиноваться начальству, которое вѣдь поставлено царемъ. Начальство посылаетъ арестовать въ казармахъ Максвеля „бунтовщиковъ“-рабочихъ. Приказъ будетъ выполненъ, что бы для этого ни потребовалось сдѣлать... Если мы припомнимъ затѣмъ то, что за дѣйствія низшихъ властей отвѣтственны высшіе, а въ концѣ концовъ царь, если въ то же самое время мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что полиція отлично знаетъ и по собственному опыту и изъ опыта другихъ царскихъ слугъ, что противъ рабочихъ и соціалистовъ *все дозволяется* царемъ и поставленными имъ властями, что рабочихъ можно бить, увѣчить, можно издѣваться надъ ними и что за это ничего не будетъ,—если принять все это во вниманіе, то злодѣянія полиціи въ казармахъ Максвеля станутъ для насъ вполнѣ понятны: полиція знала, что дѣлала, знала, что такое дѣло будетъ угодно царю и его правительству... Въ результатѣ —искалѣченные, изуродованные, избитые и доведенные до сумашествія рабочіе!

Итакъ, извѣстно-ли царю о томъ или другомъ злодѣяніи его властей, все равно—отвѣтственность за всѣ дѣйствія властей — полиціи, жандармовъ и т. д. должна пасть на него. Но при этомъ слѣдуетъ твердо помнить, что всѣ дѣйствія и царя, и его властей (министровъ и др. чиновниковъ) творятся только въ пользу буржуазіи да для охраненія самодержавной власти.

До сихъ поръ мы говорили о поступкахъ царскихъ, правитель-

*) См. „Раб. Дѣло“, № 1-й и „Раб. Мысль“, №№ 8—10.

ственныхъ властей, *дѣйствующихъ отъ имени царя*. Если же мы посмотримъ теперь, какъ дѣйствуетъ *лично самъ царь*, то еще больше убѣдимся въ томъ, *кому служитъ царь, для кого онъ царствуетъ*.

Мы уже видѣли, какъ царь въ дѣлѣ Макевельцевъ во вредъ рабочимъ не постѣснился наплевать на *рѣшеніе сената*, „*стража* законовъ". Припомнимъ другіе факты.

Въ 1887 г. черниговскій губернаторъ Анастасьевъ (*извѣстный* варваръ и даже воришка) *) въ теченіе цѣлаго дня розгами пересѣкъ *до полусмерти* множество крестьянъ за то только, что они не допускали противозаконной нарѣзки своей земли въ пользу двухъ помѣщиковъ—Половцева и Красовскаго. И вотъ за такое-то варварство царь Александръ III послалъ губернатору Анастасьеву свою „высочайшую" благодарность! Порите, молъ, господа, крестьянъ, сколько хотите... лишь бы дворянству и помѣщикамъ жилось хорошо!..

Пусть рабочіе вспомнятъ затѣмъ о томъ, какъ сынокъ Александра III—Николай II похвалилъ солдатъ „молодцами" за кровавую бойню (было убито изъ ружей нѣсколько человѣкъ рабочихъ), которую учинило царское „христолюбивое воинство" надъ ярославскими стачечниками-рабочими въ 1895 году **). Значитъ, царь *своими* законами не только разрѣшаетъ полиціи и жандармамъ преслѣдовать рабочихъ, онъ даже шлетъ имъ свою „высочайшую" благодарность за то, что они убиваютъ на смерть беззащитныхъ рабочихъ. И за что же убиваютъ?! За то только, что рабочіе не хотятъ, чтобы ихъ грабили капиталисты и тѣснила полиція!.. За то только, что рабочіе хотятъ жить сколько-нибудь по человѣчески!.. Да, рабочіе должны хорошо знать, какъ о нихъ „заботится" его величество!

Тотъ же Николай II *повелѣлъ* усилить полицію, явную и тайную, на фабрикахъ и заводахъ, *на что осенью* 1898 г. приказано отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства, т. е. изъ народныхъ денегъ, полмилліона рублей и 200 тысячъ руб. спеціально на увеличеніе петербургской полиціи. Съ начала 1899 г. созданы 60 новыхъ должностей полицейскихъ надзирателей и 2320 городовыхъ—съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы одинъ надзиратель приходился на 3.000 рабоч., а одинъ городовой на 50 рабочихъ.

---

*) Утверждаютъ, что, собирая деньги на позолоту собора въ г Черниговѣ, онъ не забылъ погрѣть этими деньгами и свои карманы. Теперь онъ засѣдаетъ въ государ. совѣтѣ.

**) Русское „христолюбивое воинство" уже много разъ проливало рабочую кровь. Назовемъ хотя бы Домбровскую бойню, Рижскую, Маріупольскую (когда было убито нѣсколько десятковъ рабочихъ) и др. (См. между прочимъ „Раб. Дѣло", „Впередъ" № 7-й, „Южный Рабочій" № 1-й и проч.).

Кромѣ того, правительство Николая II обязало фабрикантовъ содержать на свой счетъ по одному шпіону на 200 рабоч. Рабочіе хорошо знаютъ, для чего понадобилось на фабрикахъ столько полицейскихъ и шпіоновъ: полиція и шпіоны нужны для того, чтобы выслѣживать каждый шагъ рабочихъ, чтобы мѣшать имъ бороться съ капиталистами и во время предупреждать стачки и др. дѣйствія рабочихъ противъ капиталистовъ. Только самый злой врагъ рабочихъ можетъ такъ дѣйствовать! Царь именно такой врагъ рабочихъ!

Рабочіе, вѣроятно, помнятъ также, сколько тысячъ народу погибло въ Москвѣ на Ходынскомъ полѣ во время коронаціи царя. Во всемъ этомъ была виновата вся московская полиція съ дядюшкой царя во главѣ (моск. ген.-губ. Сергій Александровичъ). И что же царь сдѣлалъ съ ними? Какъ только судебное слѣдствіе стало открывать вину въ этомъ ужасномъ событіи ряжныхъ лицъ въ Москвѣ, царь приказалъ слѣдствіе пріостановить, увольнивши только для отвода глазъ публики—моск. оберъ-полицеймейстера *). Попировалъ, значитъ, царь на народныхъ трупахъ, закусилъ пирожкомъ изъ „начинки людской“ и... успокоился... Стоитъ, дескать, волновать себя такими пустяками!..

И это не единственный случай, когда „Его Величество“ избавляетъ своихъ слугъ отъ кары имъ же самимъ изданныхъ законовъ. Хороши, значитъ, „дѣянія“ этихъ слугъ!..

Еще фактъ. Варшавскій ген.-губ. кн. Имеретинскій представилъ царю докладъ о положеніи дѣлъ въ Польшѣ вообще и о рабочемъ движеніи въ частности. Царь прочиталъ этотъ докладъ и сдѣлалъ на немъ свои „Высочайшія помѣтки“: когда Имеретинскій предлагаетъ „подтянуть“, усилить полицейскія строгости, на это царь выражаетъ свое согласіе. Когда же Имеретинскій рекомендуетъ маленькія „послабленія“ (конечно, въ видахъ полицейскихъ, а не изъ-за желанія добра рабочимъ), тогда царь не „соизволяетъ“ дать на сіе свое согласіе и выражаетъ сомнѣніе въ полезности такихъ мѣръ...

Совсѣмъ иначе дѣйствуетъ царь, когда онъ подписываетъ „Высочайшія повелѣнія“ о ссылкѣ въ Сибирь, въ каторгу и др. мѣста рабочихъ и соціалистовъ: тутъ у царя откуда и рѣшимость берется, тутъ онъ уже не сомнѣвается... Не сомнѣвается по той простой причинѣ, что ему дороги интересы именно буржуазіи, а не рабочихъ, которыхъ онъ умѣетъ только давить и притѣснять.

И не перечесть, сколько людей погибло на Руси отъ царской руки въ жертву самодержавію и дѣтищу царя—буржуазіи!

А сколько народныхъ, трудовыхъ денегъ тратится у насъ — все также по повелѣнію царя—на содержаніе многотысячной арміи полицейскихъ и жандармовъ! Вся Россія усѣяна шпіонами...

*) Если не ошибаемся, ему дано было потомъ другое хорошее мѣсто.

Тысячи жандармовъ и др. тайныхъ и явныхъ агентовъ-доносчиковъ стараются надъ „искорененіемъ крамолы“. Всѣхъ, кого только жандармы подозрѣваютъ въ „политической неблагонадежности“, арестовываютъ и сажаютъ въ тюрьмы. А у насъ такъ легко получить кличку „неблагонадежнаго“: человѣкъ вздумалъ почитать хорошую книжку, гдѣ пишутъ правду о рабочихъ и вообще о русской жизни, онъ уже „неблагонадежный“; рабочій рѣшилъ устроить стачку и склоняетъ къ ней своихъ товарищей, онъ „неблагонадежный“: вы устроили тайное рабочее собраніе, вы—неблагонадежный человѣкъ; полиціи стало извѣстно, что Иванъ познакомился съ „неблагонадежнымъ“ господиномъ Петромъ, Иванъ уже политически-неблагонадежный человѣкъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе до безконечности.

И всѣ эти безобразія, всѣ эти насилія надъ рабочими и соціалистами, всѣ эти преступленія и злодѣянія, за которыя въ западно-европейскихъ странахъ отправили бы на каторгу,—все это у насъ дѣлается по законамъ и по волѣ царя, въ угоду буржуазіи и для защиты неограниченной царской власти.

Итакъ, *буржуазія и царь* со всѣмъ своимъ правительствомъ—вотъ кто виновники того несчастья и тѣхъ притѣсненій, которыя терпитъ въ Россіи рабочій классъ. Буржуазія грабитъ рабочихъ, пьетъ ихъ кровь и потъ, вырываетъ у нихъ изо рта собственными трудами добытый кусокъ хлѣба, а царь въ это время стоитъ на сторожѣ, оберегаетъ буржуазію отъ „бѣдъ и напастей“... И, какъ только рабочіе вздумаютъ постоять за себя, какъ только они рѣшаются предъявить какія-нибудь требованія капиталистамъ, сейчасъ же царская лапа хватаетъ рабочаго за шиворотъ и тащитъ въ тюрьму, въ ссылку, въ Сибирь!! А если рабочіе сильно упрямятся—по ихъ спинамъ начинаютъ гулять казацкія нагайки и свистать солдатскія пули...

Итакъ, у рабочихъ нѣтъ защитниковъ, а есть только враги. А разъ это такъ, то, слѣдовательно, чтобы добиться лучшей доли, чтобы завоевать себѣ счастье и свободу, рабочіе должны надѣяться только на самихъ себя. Недаромъ же наши великіе учителя—Марксъ и Энгельсъ уже давно провозгласили: освобожденіе рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ, т. е. только классовая борьба, борьба класса рабочихъ противъ класса капиталистовъ приведетъ рабочихъ къ свободѣ, равенству и братству.

Но что же нужно въ настоящее время русскому рабочему классу *).

*) Уже изъ того, что было сказано выше, не трудно видѣть, что нужно русскому рабочему. Кромѣ того, мы настойчиво совѣтуемъ каждому рабочему хорошенько прочитать книжку: „Рабочее дѣло въ Россіи.“ Тамъ они найдутъ подробный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Мы же коснемся здѣсь этой стороны дѣла лишь вкратцѣ.

Каждый рабочій въ одиночку ничего не можетъ подѣлать съ хозяиномъ, не можетъ добиться увеличенія заработной платы, правильнаго и своевременнаго ея полученія, уменьшенія рабочаго дня, здороваго помѣщенія на фабрикѣ или мастерской, удаленія какого-ниб. служащаго — притѣснителя рабочихъ и т. д., и т. д. Только дѣйствуя сообща и дружно, какъ говорится,—всѣ за одного и одинъ за всѣхъ, — рабочіе какой-нибудь фабрики, завода или мастерской могутъ добиться отъ своего хозяина удовлетворенія своихъ требованій.

Для того же, чтобы дѣйствовать сообща, рабочимъ нужно сначала сговориться между собою, нужно посовѣтоваться о томъ, что и какъ предпринять: устроить-ли союзъ, стачку, образовать-ли кассу, выпустить-ли прокламацію къ рабочимъ и т. д., и т. д., всего не перечтешь, о чемъ нужно бываетъ рабочимъ потолковать, чтобы выставить передъ капиталистами *опредѣленныя* требованія. А мы уже знаемъ, что русскіе законы запрещаютъ рабочимъ устраивать сходки и собранія. И еще не такъ давно (въ августѣ 1897 г.) полицейскій министръ (т. е. министръ внутрен. дѣлъ) напомнилъ объ этомъ губернаторамъ особымъ тайнымъ циркуляромъ. Въ этой бумагѣ онъ строго приказываетъ всей полиціи строго воспрещать рабочимъ устраивать *всякія* сходки и собранія, зачинщиковъ же, а также и тѣхъ рабочихъ, которые не захотятъ подчиняться распоряженіямъ властей, подвергать аресту, а затѣмъ и высылать куда-ниб. въ другія мѣста.

Итакъ, рабочіе должны добиваться права свободно устраивать сходки и собранія, такъ какъ, только имѣя это право, рабочіе могутъ успѣшно бороться съ капиталистами за улучшеніе своего положенія.

Съ правомъ сходокъ и собраній тѣсно и неразрывно связана свобода устнаго и печатнаго слова и печати. Имѣть свободу слова —значитъ имѣть право открыто, т. е. на собраніяхъ, на улицѣ и площадяхъ, говорить съ народомъ о его нуждахъ. Имѣть свободу печати,—значитъ имѣть право свободно, т. е. безъ всякаго запрещенія и разрѣшенія, писать, печатать и читать тѣ книжки, газеты и листки, гдѣ говорится правда о жизни рабочихъ и вообще обо всемъ, что дѣлается на родинѣ и во всемъ свѣтѣ. Рабочимъ хорошо извѣстно, что русское правительство запрещаетъ печатать такія книжки, а тѣхъ, кто эти книжки печатаетъ, пишетъ и даже кто читаетъ, у насъ арестовываютъ или сажаютъ въ тюрьмы, или отправляютъ въ ссылку, или на каторгу. Такая участь постигаетъ и тѣхъ, кто осмѣливается открыто на собраніяхъ и въ другихъ мѣстахъ говорить рабочему народу о его нуждахъ.

А между тѣмъ рабочимъ очень нужны и хорошія книжки, и хорошія газеты и вообще правдивое печатное слово, такъ какъ, зная хорошо, какъ гдѣ живутъ другіе рабочіе, что они предпринимаютъ для улучшенія своей жизни, отчего вообще рабочіе

страдаютъ и какъ можно облегчить или и вовсе избавиться отъ этихъ страданій,— только зная все это, рабочіе могутъ обстоятельно обсудить на сходкахъ и собраніяхъ свое положеніе для того, чтобы выставить передъ капиталистами и правительствомъ свои требованія. Нечего говорить о томъ, что *безъ* права свободно говорить на собраніяхъ самыя эти собранія были бы невозможны.

Итакъ, рабочіе должны требовать свободы слова, печатнаго и устнаго.

Но пойдемъ далѣе. На сходкѣ или собраніи могутъ быть приняты тѣ или иныя рѣшенія, напр. устроить стачку и т. п.

Стачки—самое сильное изъ средствъ, которыя имѣются у рабочихъ для борьбы съ капиталистами: только стачкой, конечно, веденной дружно, рабочіе могутъ добиться отъ хозяевъ удовлетворенія своихъ требованій. Пусть рабочіе прочтутъ прекрасную книжку: „Какъ бельгійскіе рабочіе боролись за свободу“, и они увидятъ, какимъ могучимъ и незамѣнимымъ средствомъ являются для рабочихъ стачки для улучшенія своего положенія и даже для достиженія политическихъ правъ. Да впрочемъ, и сами русскіе рабочіе, по собственному своему опыту, отлично знаютъ, что именно стачками рабочіе во многихъ мѣстностяхъ Россіи принуждали капиталистовъ удовлетворять ихъ требованія. Но стачекъ боятся не только капиталисты, но и царское правительство, — правительство боится стачекъ еще больше, чѣмъ капиталисты, ибо всякая стачка обнаруживаетъ, какъ безобразенъ русскій политическій строй, какъ возмутительно несправедливо и жестоко русскій царь со своими чиновниками относится къ рабочимъ.

Всѣ законы, которые касаются рабочихъ, были изданы *только послѣ крупныхъ стачекъ рабочихъ*: такъ законъ 8 іюня 1886 г. о штрафахъ былъ изданъ вскорѣ послѣ знаменитой морозовской стачки: законъ 2-то іюня 1897 г. о сокращеніи рабочаго дня былъ изданъ только благодаря громаднымъ стачкамъ петербургскихъ рабочихъ 1895-97 гг.

Упоминая объ этихъ законахъ, мы хорошо знаемъ, что эти и др. законы не обезпечиваютъ интересовъ рабочихъ, но важно вѣдь здѣсь то, что русское правительство подумало о рабочихъ и издало законы *именно* изъ страха передъ стачками, т. е. иначе говоря, только по требованію рабочихъ.

Да, русскій царь и его правительство какъ огня боятся стачекъ и поэтому самымъ безсовѣстнымъ образомъ толкуютъ значеніе стачекъ. Такъ, въ тайныхъ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ стачки признаются „весьма опасными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ и обзываются „самоуправствомъ“, „насиліемъ“, „печальными явленіями“ и наконецъ „безпорядками“. Это-то наиболѣе могучее орудіе, имѣющееся у рабочихъ для облегченія своего положенія, русское пра-

вительство называетъ—„насиліемъ“, „безпорядками“ и т. д.!.. Да, рабочимъ нужно надѣяться только на себя *и рѣшительно выставить передъ русскимъ правительствомъ требованіе свободы стачекъ.*

А такъ какъ рабочее движеніе можетъ быстро развиваться только тогда, когда рабочіе объединены въ союзы, въ одну общую рабочую партію (напр. стачку легче устроить на той фабрикѣ, рабочіе которой объединены въ союзъ), то слѣд. *рабочіе должны выставить требованіе—свободы всякихъ союзовъ, товариществъ и др. хозяйственныхъ и политическихъ организацій.*

Также необходимо рабочимъ имѣть право открыто устраивать свои рабочія кассы, ибо, не имѣя денежныхъ средствъ, нельзя или очень трудно напр. вести стачку и трудно вообще предпринять что-либо для улучшенія своего матеріальнаго и духовнаго положенія.

Итакъ, рабочіе должны требовать отъ русскаго царя и его правительства: свободы сходокъ и собраній, свободы печати и устнаго слова, свободы стачекъ и союзовъ, свободы устраивать кассы и т. п.

Но возможно-ли ожидать, чтобы русскій царь, будучи самодержавнымъ и неограниченнымъ властелиномъ Россіи, далъ рабочимъ всѣ только-что перечисленныя права? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. Пока у насъ существуетъ политическій *самодержавный* строй, т. е. пока царь правитъ Россіею *самовластно*—по отношенію къ рабочимъ, какъ было выше объяснено, — пока онъ издаетъ законы только въ угоду богатымъ классамъ, по ихъ совѣту и съ ихъ согласія,—пока, однимъ словомъ, у насъ нѣтъ конституціи, конституціонной свободы, нѣтъ парламента, гдѣ рабочіе могли бы принимать участіе въ обсужденіи законовъ, а также и самимъ предлагать свои законы (какъ это есть въ другихъ государствахъ),—до тѣхъ поръ русскіе рабочіе не получатъ отъ русскаго правительства никакихъ правъ, а слѣдовательно, будутъ терпѣть притѣсненія отъ полиціи и капиталистовъ, работая на враговъ своихъ до изнеможенія и потери силъ!!...

Пусть рабочіе вспомнятъ, какъ министръ финансовъ въ своемъ тайномъ циркулярѣ фабрични. инспекторамъ приказывалъ своимъ чиновникамъ, чтобы они не смѣли удовлетворять *даже законныхъ требованій* рабочихъ, если только рабочіе будутъ добиваться этихъ требованій „незаконными“ средствами... А такъ какъ подъ „незаконными“ средствами русское правительство разумѣетъ всякія дѣйствія рабочихъ „скопомъ“, т. е. стачки и т. п., и такъ какъ *другихъ „законныхъ“* средствъ и путей борьбы у рабочихъ нѣтъ,—то, слѣдовательно, еслибы рабочіе отказались отъ этихъ средствъ, именуемыхъ господиномъ министромъ „незаконными“, они были бы окончательно задушены фабрикантами.

Пусть вспомнятъ затѣмъ рабочіе тѣ прямо-таки вопіющіе ак-

ты, когда полиція приказывала во время стачекъ закрывать кухмистерскія, съѣстныя лавки, харчевни, чтобы голодомъ заставить рабочихъ прекратить стачку... *) Пусть вспомнятъ далѣе рабочіе и о томъ, что, по мнѣнію русск. правительства, рабочимъ живется хорошо—все равно, какъ дѣтямъ въ семьѣ... Мы не шутимъ: въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ министръ финансовъ называетъ отношенія капиталистовъ - хозяевъ къ своимъ рабочимъ „отеческими“ и „справедливыми“... Рабочіе на своихъ спинахъ испытали эти „отеческія“ отношенія. Да мало-ли есть о чемъ вспомнить каждому рабочему, чтобы сказать: „да, товарищи, намъ нечего ждать для себя лучшей доли отъ царя — этого прислужника богачей и отъ его чиновниковъ — министровъ, жандармовъ и полиціи... Будемъ надѣяться только на самихъ себя, будемъ бороться съ правительствомъ и фабрикантами, будемъ добиваться политической свободы!..“

Итакъ, рабочіе должны на первомъ мѣстѣ всѣхъ своихъ требованій, всѣхъ прокламацій, всѣхъ своихъ газетъ выставлять передъ правительствомъ требованіе политической свободы, т. е. созыва русскаго парламента или иначе, Земскаго Собора, гдѣ рабочіе, наравнѣ съ другими классами, могли бы имѣть своихъ представителей или депутатовъ, своихъ защитниковъ.

Политическая свобода такъ же нужна рабочему классу, какъ рыбѣ вода: какъ рыба можетъ жить только въ водѣ, такъ и рабочіе только при существованіи политической свободы могутъ почувствовать себя людьми, теперь же они по волѣ царя—рабы капиталистовъ.

До тѣхъ поръ, пока царь со своимъ правительствомъ мѣшаетъ рабочимъ бороться съ капиталистами, до тѣхъ поръ рабочимъ трудно будетъ добиться отъ капиталистовъ сколько-нибудь серьезныхъ улучшеній въ своемъ положеніи.

Обо всемъ этомъ рабочіе должны постоянно твердить своимъ товарищамъ, твердить всюду и всегда!.. Только добившись политической свободы, рабочіе въ состояніи будутъ успѣшно бороться съ капиталистами, такъ какъ только при политической свободѣ они могутъ открыто организовать рабочіе союзы, устраивать сходки, собранія и стачки, учреждать кассы, печатать свои книжки, издавать свои газеты и т. д. Только при полит. свободѣ, при конституціи, рабочіе союзы охватятъ всю рабочую массу, ибо тогда уже не будутъ за это и многое другое сажать въ тюрьмы и отправлять въ ссылку... А только *широко, открыто и свободно* пользуясь всѣми перечисленными выше правами, рабочіе улучшатъ свое положеніе, а въ концѣ концовъ и окончательно побѣ-

*) Такъ поступила полиція въ с. Гусь, Меленк. у. Владим. губ., въ Нижнемъ-Волочкѣ Тверской губ., въ Петербургѣ во время стачекъ на фабр. Максвеля и Паля и проч.

дятъ капиталистовъ, — тогда и настанетъ на землѣ настоящее счастье для всѣхъ людей...

Если рабочіе будутъ дружно и единодушно дѣлать въ настоящее время свое рабочее дѣло, т. е. устраивать кассы, собранія, союзы, стачки, демонстраціи, печатать и читать книжки и газеты, которыя запрещаетъ русск. правительство; если они будутъ постоянно при всякихъ случаяхъ выставлять передъ правительствомъ требованіе политической свободы и для подкрѣпленія этихъ требованій устраивать политическія демонстраціи, если рабочіе будутъ все это дружно дѣлать, то они побѣдятъ!

Какъ сказано выше, русск. правительство уже и въ настоящее время боится рабочаго движенія; и если русскіе рабочіе объединятся въ союзы, а затѣмъ и въ одну общую партію, присоединившись къ уже образовавшейся въ 1898 г. Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи, сила ихъ сдѣлается такой могучей и страшной, что русское правительство принуждено будетъ уступить...

Пусть же рабочіе неуклонно дѣлаютъ въ настоящее время свое рабочее дѣло! Итакъ, рабочіе, впередъ!

„Придетъ пора, окрѣпнутъ крылья.
Младыя силы подростутъ...
Вскричатъ орлы и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ раскуютъ!..“